

Китайские братства и тайные общества в период «большого террора»

© 2020

Е.Г. Калкаев

Во второй половине XIX века в результате заключения Айгунского (Айгуньского) и Пекинского договоров к Российской империи отошли земли Приамурья и Приморья. Вскоре после присоединения новых территорий российская администрация столкнулась с тем, что проживающие в регионе китайцы зачастую игнорировали российские законы, а жизнь диаспоры упорядочивалась внутренними правилами и порядками различных организаций взаимопомощи. Теневая деятельность китайских обществ и организаций, так же как и пронизывающие диаспору связи побратимства, вызывали беспокойство у ряда отечественных исследователей региона и у официальных лиц. Ситуация коренным образом не изменилась и с приходом советской власти, которая воспринимала неподконтрольные ей китайские тайные общества и братства как препятствие для интеграции китайцев в советское мироустройство. К периоду «большого террора» 1937–1938 гг. традиционные китайские формы личной и корпоративной взаимопомощи рассматривались как «реакционные». Это дало повод дальневосточным чекистам использовать сложившийся образ китайских братств и тайных обществ в качестве обоснования необходимости проведения репрессий против китайцев.

Ключевые слова: «большой террор», НКВД, «китайская операция», китайская диаспора, братства, тайные общества.

DOI: 10.31857/S013128120009710-2

В самом конце 1937 г. на советском Дальнем Востоке была развернута операция органов НКВД против китайцев. Формально поначалу речь шла только о противодействии японским провокациям и ликвидации сети нелегальных притонов. Однако на практике операция вылилась в массовые репрессии против находящихся в регионе китайцев и стала прологом к их включению в список «национальных контрреволюционных контингентов» – тех, на кого были ориентированы так называемые национальные операции периода «большого террора» 1937–1938 гг.

Нарком внутренних дел Н. Ежов регулярно пересылал И. Сталину и В. Молотову ключевые донесения из всех регионов страны, что позволяло «вождю народов» не просто внимательно следить за действиями НКВД, но и контролировать ход проведения репрессий. Ложились на стол Сталину и приходившие в Москву материалы руководителя Дальневосточного управления НКВД Г.С. Люшкова и его заместителя М.А. Кагана. В конце 1937 — начале 1938 г. многие из них пестрели китайскими названиями в искаженных, реже правильных, транскрипциях: «кату», «кэ-тоу», «цзай-цзян-ли», «цзай-цзя-ли», «цзай-бан» и т.п.

Братства и тайные общества

Среди приведенных выше терминов можно выделить две группы. Сочетание *кэ-тоу* («бить головой») означает как земной поклон, так и дачу клятвы. Наряду с другими терминами оно используется в отношении клятв братств¹ — важного феномена китайского социума. Ритуальные клятвы и использование метафор родства создавали идеологическую основу как для укрепления и предохранения от разрушения сложившихся дружеских связей, так и для объединений, предусматривающих реализацию общих задач².

В период политического и экономического кризиса, заставившего многих мужчин покинуть родные места в поисках работы (а в нашем случае — отправиться за пределы Китайской Республики) и оказаться вне привычной обстановки, в потенциально опасном окружении, квазисемейные узы становились важным инструментом взаимопомощи, обеспечивавшим определенный уровень физической и психологической защищенности. Связи между побратимами были крепче дружеских и в сложных ситуациях в отсутствие традиционной семейной поддержки позволяли рассчитывать на помощь названных братьев³.

В условиях советской действительности братские союзы часто заключались между китайскими мигрантами, работавшими в одной сфере деятельности или сблизившимися на другой почве. Традиционно из-за запретов еще Цинских властей⁴ и, вероятно, из-за возможной негативной реакции советских органов члены подобных объединений предпочитали хранить факт своего побратимства в тайне. В то же время названное родство представляло собой механизм, который мог эффективно использоваться в рамках самых разных структур, дополнительно сплачивая крупные объединения и организации — религиозные общины, торговые союзы, корпоративные организации, криминальные и полукриминальные сообщества, теневые структуры управления жизнью диаспоры на территориях, не подчиняющихся китайскому праву⁵.

К одной из таких структур, а именно к тайным обществам, относится вторая группа терминов из сообщений УНКВД по Дальневосточному краю конца 1930-х годов: «цзайбан» и «цзайцзяли». «Цзайбан», что переводится как «находиться в братстве (тайном обществе)», в широком смысле трактуется как принадлежность к «банам» — братствам, тайным союзам, обществам, деятельность которых в этот период проявлялась в двух основных направлениях: главной функцией «корпоративно-профессиональных» организаций была защита трудовых мигрантов, обеспечение их работой, помощь в затруднительных ситуациях, а «корпоративно-криминальные» организации объединяли занимающихся нелегальной деятельностью. Впрочем, как подчеркивает использующая это разделение А.С. Костяева, оно носит условный характер, и зачастую в деятельности реальных

1. Ср. словарные значения 磕头的 (*кэтоудэ*) и 磕过头的 (*кэготоудэ*), указывающие на названных братьев, а также устойчивое обозначение побратимств — 磕头兄弟 (*кэтоу сюнди*).
2. См., например, Jordan D. K. Sworn Brothers: A Study in Chinese Ritual Kinship // *The Chinese family and its ritual behavior*. Taipei: Institute of Ethnology, Academia Sinica, 1985. Pp. 232–262, 303–304, 310–316. Исправленная интернет публикация 2003 г.
URL: <http://pages.ucsd.edu/~dkjordan/scriptorium/jyebay.html> (дата обращения: 13.01.2020).
3. McIsaac L. "Righteous Fraternities" and Honorable Men: Sworn Brotherhoods in Wartime Chongqing // *The American Historical Review*, Vol. 105. Issue 5. December 2000. P. 1647–1648. Аргументы, по которым побратимства более эффективны для организации взаимопомощи, чем дружба, см.: Jordan D.K. Op. cit.
4. Новиков Б.М. Вопросы типологии тайных обществ в Китае периода Цин // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. XVI. СПб., 1992. С. 92.
5. Д. Джордан, говоря о побратимствах как культурном институте, использует метафору сосуда готового принять самое разное содержание [Jordan D.K. Op. cit.].

организаций оба направления сочетались¹. Основные «баны» были разветвленными структурами со строгой иерархией и собственной системой ритуалов. В узком же смысле термин «цзайбан» может отсылать к одному из них — «Цинбану» («Синему (зеленому) братству» Восточного Китая). С организациями «Цинбана» на китайском Северо-Востоке исследователи соотносят и термин «цзайцзяли» — дословно «находиться в семье»².

«Цинбан», выросший из корпоративного объединения лодочников на Великом канале времен империи, в республиканский период китайской истории превратился в крупное криминальное сообщество, распространившее влияние на разные сферы жизни и контролировавшее многие незаконные промыслы, в том числе наркоторговлю, вымогательство, содержание притонов. Особенно заметны были его позиции в Шанхае³.

В СССР не прошло незамеченным, что в апреле 1927 г., во время антикоммунистического переворота Чан Кайши отряды гангстеров «Цинбана» принимали активное участие в подавлении вооруженных рабочих отрядов⁴. После вторжения Японии в 1931 г., в то время как одни руководители «Цинбана» выступили против японцев, другие (прежде всего на оккупированных территориях) пытались извлечь выгоду из прояпонской позиции⁵. Поэтому стоит отметить и то, что под общим названием «Цинбан» существовали схожие, но непосредственно не подчиняющиеся друг другу структуры⁶.

Китайские братства, тайные общества и другие неофициальные формы социальной организации давно вызывали подозрения советской власти, стремившейся поставить под свой контроль все стороны общественной жизни населения. Не многие из китайских мигрантов на Дальнем Востоке были похожи на идеал советского человека 30-х годов. Отсутствие у них желания интегрироваться в советское общество, плохое знание русского языка и низкая грамотность, так же как и нехватка у административных органов подготовленных кадров для работы с представителями восточных национальностей, делали культурную и политическую работу среди китайцев малоэффективной, а замкнутость диаспоры усложняла и борьбу с этнической преступностью. В этих обстоятельствах тяга китайцев к привычным и понятным институтам интерпретировалась властями как результат целенаправленной враждебной работы по противодействию перековке мигрантов на советских лад.

В 1930 г. в подготовленном специальной комиссией многостраничном отчете о китайцах в Дальневосточном крае говорилось о значительном влиянии религиозных общин, тайных обществ и братств на китайское население края. Например, «Зай-да-ли [т.е. «Цзайцзяли»], или «Цин-хун-бан» [т.е. «Синее и красное братство»], была отнесена к «массовым религиозно-политическим организациям» и характеризовалась как организация «чисто национальная, имеющая целью пробуждение национализма». Подчеркивалась ее строгая иерархия и безусловное подчинение руководителю. По данным комиссии, «Цзайцзяли» охватывала широкие слои китайского населения края — от содержате-

1. Костяева А.С. Побратимские организации республиканского Китая // Общество и государство в Китае. Т. XXIX. М., 1999. С. 118.
2. См. напр.: Шао Юн. Чжунго банхуй ши. Сяцэ: [История тайных обществ Китая. Т. 2.] Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ. 2012. С. 531; Сунь Цзян. Цзэншансыдэ сянтан — 1933 нянь дунбэй Цинбан дайбяотуаньдэ фанжичжисин: [Моление в дзодзё-дзи — посещение делегацией дунбэйского Цинбана Японии в 1933 г.] // Наньцзин дасюэ сюэбао. 2007. № 3. С. 93.
3. Wakeman F. The Shanghai Badlands. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
4. Martin B. The Shanghai Green Gang: Politics and Organized Crime, 1919–1937. Berkeley: University of California Press, 1996. P. 99–112.
5. Шао Юн. Жибэнь циньлюэчжэ лиюн чжунго банхуй похуай канчжань шулюэ: [Очерк использования японцами китайских тайных обществ для подрыва Войны сопротивления.] // Шанхай шиафан дасюэ сюэбао. 1997. № 4. С. 51–56. Сунь Цзян. Указ. соч. С. 99–101.
6. Сунь Цзян. Указ. соч. С. 94, 96.

лей опекурилен и игровых притонов до портовых грузчиков, чернорабочих, рабочих угольных копий, земледельцев и т.д.¹.

Авторы отчета сообщали и о существовании большого количества «разного рода корпоративных организаций или братств». При этом в тексте «братства» сначала были структурно отделены от «религиозно-политических организаций», а затем смешаны с ними².

В результате комиссия делала вывод, что «в лице [религиозной общины] Дун-цун-шин-тан³, Зай-да-ли [«Цзайцзяли»] и братств [«Кату»] мы имеем не только религиозные, но и политические организации, ведущие среди китайской рабочей массы политически-вредную для нас работу, держащих китайских рабочих в сфере узкого национализма, архаического китайского быта и не только затрудняющих, но в отдельных случаях парализующих нашу политическую работу среди этой категории трудящихся Дальне-Восточного Края»⁴.

В то же время стоит отметить, что подобное отношение не было принципиально новым для региона. Вопросы об опасности китайских объединений, пусть несколько в другом разрезе, ставились как исследователями, так и официальными лицами Российской империи и до Октябрьской революции 1917 г.

Представление об угрозе китайских объединений на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.

Во второй половине XIX в., после заключения Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров, к Российской империи отошли значительные территории Приамурья и Приморья. Однако осевшее в регионе или рассматривающее эти территории как традиционное место своей экономической деятельности китайское население фактически не было включено в российское правовое поле. Этому способствовала не только действовавшая до 1880-х годов в отношении китайцев практика экстерриториальности. Правовая обособленность китайцев на этих новых землях обуславливалась также наличием структур неформального самоуправления и слабостью российской власти, которая на первых порах не имела ресурсов ни чтобы поставить под контроль границы, ни эффективно контролировать деятельность китайцев в регионе⁵.

Китайские организации самоуправления вызывали беспокойство российской стороны. Они контролировали и упорядочивали жизнь китайской общины, в некоторых регионах монополизировали различные промыслы — охотничьи, сбора женьшеня и др., регулировали вопросы торговли и взаимодействия с местным населением. Требуя от своих членов взаимной поддержки и помощи, такие общества определяли и санкции за проступки и преступления. Наказания могли отличаться жестокостью и противоречить российским законам. Например, по договору одного из обществ, кража более пяти соболи-

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 514. Оп. 1. Д. 593. Л. 11.

2. Там же. Л. 12. Путаница произошла из-за неупорядоченной системы транскрипции. Отнеся «Зай-да-ли» / «Чин-хун-бан» к массовым религиозно-политическим организациям, а «Цай-тя-ли» и «Чин-хун-пан» к братствам, составители отчёта не разобрались, что речь идёт об одних и тех же организациях.

3. Исследователи соотносят эту общину с синкретической религией «Цзайлицзяо» («Учение о пребывании в истине») См. *Тертицкий К.М.* Китайские синкретические религии в XX в. М.: Восточная литература, 2000. С. 328.

4. РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 593. Л. 12.

5. *Петров А.И.* История китайцев в России (1856–1917). СПб.: Береста, 2003. С. 235–249, 287.

ных шкур каралась закапыванием пойманного в землю, а тайная добыча женьшеня на территории, подвластной обществу, — утоплением¹.

При этом зачастую китайцы распространяли действие своих законов и на туземных жителей, которые находились в русском подданстве. По словам военного исследователя И.П. Надарова, это формировало «убеждение, что гольды и ороконы, а равно все китайцы, проживающие на нашей территории, подчиняются не русским властям, а китайским, а русские власти ведают только корейцев»².

Также в регионе было распространено мнение, что китайские объединения давали возможность китайским купцам получать преимущество над русскими за счет согласования и регулирования цен на свою продукцию и закупки³. Подозревались китайские общества и в прямых связях с официальными органами Цинской империи, а затем республиканского Китая. По данным В.К. Арсеньева, китайское Общество взаимопомощи в Никольск-Уссурийске в 1909 г. получало печать из китайского министерства и наряду с другими обществами должно было предоставлять официальный отчет о своей деятельности китайским властям⁴. Эти подозрения подтверждает и историк А.Г. Ларин, указавший, что многочисленные документы китайских архивов свидетельствуют о наличии подобных контактов и о контроле над деятельностью обществ со стороны официального Пекина⁵.

Распространение скрыто функционирующих обществ, проблемы с контролем над деятельностью китайцев подвигли российские власти легализовать китайские организации самоуправления. Но надежды на то, что они будут играть роль проводников русского права, не оправдались. По свидетельству современников, взгляду местной администрации была доступна лишь часть их деятельности, а о невидимой можно было лишь строить предположения⁶.

Если же государство препятствовало деятельности легальных обществ, то они с легкостью замещались тайными структурами. В 1912 г. уполномоченный Министерства иностранных дел В.В. Граве заявлял о недопустимой в принципе деятельности как тайных, так и легализованных обществ, «объединяющих китайское население в крае, и в случае каких-нибудь политических осложнений представляющих значительную опасность». И в то же время он приходил к выводу, что «при отсутствии фактической возможности обеспечить действительный контроль над китайской жизнью, лучше иметь дело с явно действующими главными китайскими обществами, чем с тайными»⁷.

Дореволюционные исследователи региона обращали внимание и на связывающие китайцев специфические братские клятвы. Вероятно, первым о них в 1884 г. написал И. Надаров. Он зафиксировал как сам феномен клятвы, так и происхождение термина: «Вообще чувство товарищества и даже братства в высшей степени развито между китайцами. Я часто находил в фанзе несколько человек, которых хозяин рекомендовал мне «все равно брата». Затем являлись еще несколько человек и оказывались также «все равно брата». Быть может не многим известно, что манзы⁸ всего Уссурийского края (север-

-
1. Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае. Владивосток, 1909. С. 24–25.
 2. Надаров И.П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884. С. 33.
 3. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: история и современность. М.: Восточная книга, 2003. С. 58.
 4. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический. Хабаровск, 1914. С. 192–193.
 5. Ларин А.Г. Указ. соч. С. 59.
 6. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 111–114.
 7. Там же. С. 114–115.
 8. Речь идет о китайском населении края.

ного и южного) ежегодно во время празднования нового года подтверждают между собой клятву братства. На манзовском языке такая клятва называется «кады», производит-ся это слово от китайского *кэ тоу*, что значит *земной поклон*»¹.

Отмечая, что эта клятва «налагает на членов товарищества обязанность взаимно помогать друг другу во всех предприятиях и при всех обстоятельствах», И. Надаров подчеркивал, что сети подобных братств могут охватывать большое, зачастую точно не известное количество людей. По его данным, если член одной группы, объединенной клятвой «кады», братался с представителем другой группы, то действие клятвы автоматически распространялось на участников обеих групп. Из этого следовало, что «ни один китаец не знает, наверное, с кем он кады, и может рассчитывать, что в такой связи он находится с каждым встречающимся другим манзой. Оттого-то в каждом встречном манзе он и видит "все равно брата"»².

Эта особенность производила двойственное впечатление на офицера русской армии. С одной стороны, она вызывала восхищение, с другой — настороженность. Надаров призывал рассматривать «в политическом отношении» китайцев как «элемент, на который заблаговременно должно быть обращено самое серьезное внимание нашего правительства и, для противодействия которому должны быть приняты самые решительные меры». Беспокоило его и то, что эти китайцы «будут лучшие аванпосты Китая в будущей войне с русскими»³.

Подобным образом на оборотную сторону братских клятв указывал и журналист Д.И. Шрейдер, после трехлетнего исследования опубликовавший в 1897 г. книгу «Наш Дальний Восток». Как и Надаров, Д. Шрейдер отмечал огромную роль, которую играл «старинный и священный для китайцев обычай "кады", или "кхатху"», связывающий китайцев необычными узами. Как и Надаров, он указывал, что в определенных обстоятельствах эти связи представляют собой опасность для государственного порядка.

В клятвах братства Шрейдер видел одну из основных причин сплоченности *хунхузов* — китайских бандитов, терроризирующих местное население, пусть в основном и китайское. При этом, основываясь на данных, что члены одной группировки *хунхузов* мстили доносчикам, по вине которых были арестованы представители другой группировки, автор делал предположение, что разные банды могли быть связаны между собой взаимными клятвами⁴. То есть связи побратимств, возможно, распространялись за пределы рамок конкретных группировок и потенциально охватывали все организации *хунхузов*.

Таким образом, проблема регулирования жизни китайского населения на Дальнем Востоке возникла фактически сразу после присоединения новых земель и продолжала быть актуальной вплоть до второго десятилетия XX в. Российские власти не могли наладить действенный контроль ни за проживавшими в регионе, ни за приходящими из Китая мигрантами, многие аспекты деятельности которых оставались в тени. В условиях же турбулентных международных отношений и осложнившейся внутривосточной обстановки скрытая от глаз властей деятельность китайских организаций самоуправления, экономических обществ, сетей братских и земляческих союзов и других сообществ многими воспринималась как потенциальная угроза безопасности страны.

Инициирование китайской операция НКВД и материалы «следствия»

В конце 1937 г. под предлогом угрозы безопасности страны начиналась и «китайская» операция НКВД. Поводом послужили антияпонские выступления членов ки-

1. Надаров И.П. Указ. соч. С. 12.

2. Там же.

3. Надаров И.П. Указ. соч. С. 36.

4. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. С. 109, 238.

тайской общины Владивостока, в основном сводившиеся к бойкоту и угрозам в адрес японцев. Учитывая, что события происходили на фоне начавшейся летом 1937 г. полномасштабной агрессии Японии в Китае, в подобной реакции не было ничего необычного. Но сотрудники НКВД интерпретировали возмущение китайцев как результат подстрекательства японских агентов, якобы ставивших цель спровоцировать убийства японских граждан и тем самым дать повод Японии объявить войну Советскому Союзу¹.

Под подозрение попали и китайские консульства, периодически проводившие информационные собрания для представителей диаспоры и сбор средств на нужды армии. «Особенно активно действует китайское консульство во Владивостоке, где систематически на беседу собирается до 300 человек», — сообщал 22 декабря 1937 г. в Москву заместитель начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю М. А. Каган².

В ответ на соответствующий запрос М. Кагана Ежов в тот же день санкционировал аресты «всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения», а 23 декабря распорядился «одновременной операцией» ликвидировать в крае все притоны («китайские и другие»)³. Борьба с придуманной чекистами провокацией фактически стала поводом для планирования операции против китайцев.

Реальность самой провокации была не важна, все несостыковки и натяжки затмевались логикой «большого террора» в отношении «национальных контрреволюционных контингентов». Хотя формально китайцы к ним были причислены позже, зимой 1938 г., сама потенциальная связь мигрантов с враждебным государством (в данном случае с государством, оккупировавшим часть территории Китая) и проживание вблизи границы были для местных чекистов достаточным поводом, чтобы инициировать масштабную операцию, а для руководства НКВД и страны — поддержать ее проведение⁴. То, что Китайская Республика была фактически союзником СССР в предотвращении японского нападения, не остановило операцию. По словам заместителя наркома внутренних дел М.П. Фриновского, «решительной ликвидацией... японской агентуры из числа китайцев-предателей мы не только принесли пользу Советскому Союзу, но и в то же время оказываем определенную услугу Китаю, защищая его национальные интересы»⁵.

После получения разрешения на аресты добиться нужных подтверждений провокации было делом техники, тем более что с конца июля 1937 г. УНКВД по Дальневосточному краю возглавил Г.С. Люшков — один из протеже Ежова, умелый фальсификатор, принимавший участие в подготовке ряда крупных дел середины 1930-х годов, в том числе «кремлевского дела» и процесса объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

Оказавшись в административном центре края — Хабаровске, Люшков объявил, что край является оплотом контрреволюции и начал активно проводить «чистку». Чтобы получить нужные показания, допускались любые методы. По словам бывшего сотрудника управления, «избиение арестованных стало обычным явлением. Если раньше для этого требовалось получить санкцию руководства, то теперь арестованных избивали без этих формальностей»⁶.

1. Подробнее о начале «китайской операции» на Дальнем Востоке СССР см.: *Калкаев Е.Г.* К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937–1938) // *Вопросы истории.* 2018. № 12. С. 66–87.
2. Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 861. Л. 200.
3. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 152. Л. 227, 232.
4. *Shearer D.* Policing Stalin's socialism: repression and social order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, 2009. P. 316–318; *Дюллен С.* Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920-е–1940-е. М., 2019. С. 271–272.
5. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 22. П. 190. Д. 16. Л. 76.
6. Цит. по: *Тумишис М.А., Папчинский А.А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 106.

Учитывая географию региона, руководство УНКВД настаивало, что в крае хозяйничают проникшие во все сферы японцы. По свидетельству заместителя Люшкова, Г.М. Осинина-Винницкого, после перевода в управление М. Кагана — старого коллеги и также зама начальника, Люшков «дал установку во всех делах находить массовые связи с японцами, и не было почти ни одного арестованного, который не давал бы показаний о связях с японцами. Люшков прямо мне сказал, что Каган предложил ему эту «линию», с тем чтобы показать Москве, что громят здесь крепко японские связи... По указанию Люшкова мы дезинформировали Москву фальсифицированными показаниями о всевозможных «планах» японцев...»¹.

Очевидно, история с провокацией была одним из таких же придуманных «планов». Причем он был использован не один раз. Прежде чем обвинить в участии в японской провокации представителей китайской диаспоры, в ноябре 1937 г. в аналогичных планах обвиняли и членов придуманной НКВД корейской повстанческой организации. Представители этой организации якобы планировали по заданию японцев совершить убийство консула во время первомайской демонстрации с целью развязывания конфликта между Японией и Советским Союзом².

Чтобы курировать следствие, из Хабаровска во Владивосток срочно выехал Каган. О том, как обращались с арестованными китайцами, мы имеем достаточно данных. Руководитель Приморского областного управления НКВД М.И. Диментман, оказавшись позже под следствием, признавал, что «массовый характер применения незаконных методов в аппарате... принял с начала китайской операции...»³. Те немногие китайцы, которым посчастливилось быть отпущенными после первой волны операции, также сообщали в консульство Китайской Республики, что подвергались пыткам. В частности, выбивая признания, следователи заставляли их стоять у раскаленной печи⁴. По данным проведенной позже дополнительной проверки, сотрудники этого управления «при ведении следствия по делам на лиц китайской национальности, которые арестовывались в 1937–1938 годах без наличия на них каких-либо компрометирующих материалов, в процессе следствия применяли к арестованным меры физического воздействия с тем, чтобы получить от них «признательные» вымышленные показания об антисоветской деятельности и участии в антисоветских организациях»⁵.

Анализ протоколов допросов по делу о провокации также свидетельствует о том, что они не являются подлинной записью показаний обвиняемых. Отсутствие подписи переводчика под оригинальными протоколами и появление их под копиями, наличие такой подписи с формулировкой «перевел такой-то» под протоколами, в которых отмечено, что арестованные прочли текст и в переводе не нуждаются, дают все основания предположить, что при составлении протокола переводчик отсутствовал, а практика, когда его подпись ставилась позже, была обыденной.

Свидетельствуют о фальсификации и почти дословные совпадения значительных фрагментов текста показаний разных лиц, а делалась она в присутствии арестованного или отдельно от него, не так уж важно. Здесь уместно вспомнить рассказ заместителя начальника Особого отдела ОКДВА Л. М. Хорошилкина, бывшего свидетелем того, как в сентябре 1937 г. Люшков лично правил показания арестованного зампреда крайисполкома М.П. Вольского, добавив к ним фамилию Ф.С. Друскаса

1. Цит. по: Черушев Н.С. Удар по своим. Красная Армия. 1938–1941 гг. М.: Вече, 2003. С. 407–408.

2. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 861. Л. 224–225.

3. Цит. по: Деревянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е годы // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920-е – 1950-е годы: Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997. С. 53.

4. АВП РФ. Ф. 9. Оп. 29. П. 121. Д. 24. Л. 24.

5. Государственный архив Приморского края (ГА ПК). Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33680. Л. 54–55.

и снабдив информацию о связях арестованного с японцами новыми подробностями. На следующий же день Хорошилкин вообще не узнал переделанный другим следователем окончательный протокол — в нем в качестве шпионов и заговорщиков фигурировали уже сотни лиц¹.

Подобные факты, характерные для этого периода отечественной истории, свидетельствуют, что не просто редакторами, но и основными авторами протоколов допросов были следователи, имевшие свое представление о том, что они хотят увидеть в этих документах и принимавшие окончательное решение о том, что будет в них отражено. Нельзя исключить, что в протоколах мы можем встретить и подлинный голос обвиняемого, а иногда проводящие допрос могли позволить арестованному отрицать какие-то пункты обвинения, если других было достаточно для формирования дела в нужном направлении. Однако в любом случае при работе с этими документами необходимо учитывать, что следователи имели все возможности, чтобы протоколы допросов приобрили интересующий их вид.

«Провокация» и китайские братства

Заручившись санкцией на арест китайских подданных и имея в распоряжении для получения любых признаний всю полноту средств, группа Кагана оперативно представляла в Хабаровск «доказательства» масштабного заговора. При этом следствие с самого начала связало с провокацией китайские братства.

Первый краткий доклад о результатах деятельности опергруппы был направлен из Хабаровска в Москву 27 декабря. Значительное внимание в нем было уделено братствам. Люшков описывал их как один из основных инструментов воплощения террористических планов японцев в отношении своего консульства. В тексте говорилось, что с целью осуществления провокации «из-за кордона переброшены японские агенты-террористы, используются реакционные элементы из числа китподданных фанатиков, входящих в тайное братство «кату», вербующих для террора советских граждан». Ниже из шести небольших параграфов с основными «установленными фактами» «кату» упоминалось в трех (в двух других говорилось о советских служащих, якобы работающих на японцев)².

В последовавшем 29 декабря дополнении, состоявшем также из шести параграфов, братствам было отведено три, и один — якобы связанной с японцами ячейке «Цзай-цзяли» на Сахалине. Отправленная же 30 декабря шифротелеграмма была уже полностью посвящена братствам. В ней говорилось о пяти «сознавшихся» «причастных к подготовке террористических актов в отношении японского консульства». Только в одном из пунктов братства прямо не упоминались, но в нём шла речь об официанте, который под влиянием состоявших в братстве коллег намеревался избить японцев³.

Поскольку во время «большого террора» чекисты ориентировались на «вскрытие» контрреволюционных групп и организаций⁴, братства как объединения хорошо подходили на роль разжигателей провокации. Судя по всему, по этой же причине следователи во Владивостоке старательно подчеркивали, что китайские братства являются именно «организацией».

Словосочетание «организация “кату”» стало стилистической особенностью протоколов допросов арестованных по этому делу, где оно регулярно встречается как в во-

1. Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: Росспэн, 2010. С. 95, 301–302.

2. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 861. Л. 237–242.

3. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 861. Л. 257–261; ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 31. Л. 49–51.

4. Khlevniuk O. V. Master of the house: Stalin and his inner circle. New Haven; London: Yale University Press, 2009. P. 182, 294.

просах следователей («Для чего же была создана Ваша организация «Кату»?», «Часто собирались члены Вашей организации «Кату»?» и т.п.), так и в формулировках ответов обвиняемых («...предложил мне вступить в братство с ними, т.е. в организацию называемую «Кату»...», «Организация «Кату» представляет из себя...» и т.п.)¹.

Согласно полученным показаниям, братства представляли собой отдельные группы, число участников в которых колебалось от нескольких человек до нескольких десятков². Однако, если в одних показаниях эти группы и были «организациями», то из других следовало, что они являются ячейками одного большого объединения. Так, в показаниях официанта Тан-Чжен-Шана после уточняющего вопроса следователя, всех ли участников он назвал, следует ответ: «Да, но я упустил сказать, что эта организация состоит из серии самостоятельных групп, организованных по одному и тому же принципу»³.

Впрочем, в докладах, направляемых в Москву, Люшков избегал этого клише. В первом сообщении он предпочитал использовать термин «тайное братство “кату”», вероятно, для того, чтобы акцентировать подпольный характер «организации». В последующих же по большей части редуцировал его до «братства “кату”», «братства» или просто «кату».

Если допустить, что протоколы допросов не полностью являются плодом творчества сотрудников НКВД, то в описании братств можно выделить две линии, проходящие через многие документы. Первая из них свидетельствует, что основной целью создания братств была взаимная поддержка. Например, в показаниях того же Тан-Чжен-Шана говорится, что «организация «кату», т.е. «братство кровного союза», ставит перед собой задачу взаимной помощи членов организации и защиты друг друга»⁴. В показаниях другого официанта, Ван-Фун-Веня, сказано: «Организация эта обязывает каждого члена поддерживать и стоять один за одного и во всех случаях помогать и защищать друг друга», а в протоколе допроса торговца Лан-Си-Юана: «“Кату” — это братство, объединяющее группы китайцев на основе взаимной помощи друг другу и связывающее членов братства круговой порукой»⁵.

Также в протоколах допросов можно обнаружить указание на цель, которая, возможно, объединяла часть арестованных по этому делу. Согласно ряду показаний, на волне антияпонских настроений некоторые китайцы планировали вернуться на родину и вступить в ряды Национально-революционной армии для борьбы с японскими захватчиками. Поскольку путь в Китайскую Республику был не прост, по показаниям еще одного официанта, Лю-Ши-Цая, группа планировала не позже весны 1938 г. перейти границу с Маньчжоу-го и пробираться на территории, контролируемые национальным правительством. По свидетельству, зафиксированному в показаниях торговца овощами Чжан-Зи-Тина, рассматривался и вариант отправиться морским путем⁶.

О правдоподобности этих заявлений свидетельствует то, что сотрудники НКВД не проявляли к ним интереса и не задействовали в построении обвинений. Они были заинтересованы в других показаниях, что, в частности, было зафиксировано при втором допросе упомянутого Лю-Ши-Цая. «Кроме этого, — настаивал следователь, — Ваша организация ставила своей задачей не только воевать против японцев на территории Китая, но и здесь в СССР при случае производить отдельные террористические акты над япон-

1. См., например: ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33686. Л. 37–39., Д. П-33836. Л. 6–13.

2. В просмотренных протоколах наибольшее упоминаемое количество составляло 10–20 человек. (ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33680. Л. 38.).

3. ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33678. Л. 25.

4. Там же. Д. П-33678. Л. 30.

5. Там же. Д. П-33686. Л. 14., Д. П-33683. Л. 32.

6. Там же. Д. П-33836. Л. 8, 37.

цами, бойкотировать их, т.е. не продавать продуктов и овощей на рынке, подтверждаете Вы это [?]. В свою очередь Люй-Ши-Цай отрицал, что братство делало установки на совершение террористических актов¹.

Стоит все же отметить и тот факт, что в процессе реабилитации, основываясь не только на следственных делах, но и на материалах дополнительной проверки, Военная прокуратура Тихоокеанского флота установила, «что существовавшее в г. Владивостоке объединение среди китайского населения, так называемое братство «Катоу» («Кхату», «Кату»), возникло на почве землячества и взаимопомощи. Со стороны некоторых членов «Катоу» имело место проявление неприязни к японцам, развязавшим грабительскую войну против Китая. Эта неприязнь выражалась в отказе китайцев продавать продукты питания японцам и обслуживать их в столовых, ресторанах и парикмахерских. Антисоветской направленности братство «Катоу» не имело»².

Впрочем, необходимо указать, что тот же Люй-Ши-Цай, который в отличие от остальных проходящих по этому делу не был расстрелян, на допросах после окончания «большого террора» отрицал свое участие в братствах³.

В 1937–1938 гг. сотрудники органов НКВД могли фактически из любых объединений и даже малосвязанных лиц сформировать контрреволюционные организации. В протоколах допросов о деле братств заявления о том, что они существуют для взаимопомощи, как правило, тут же дополнялись информацией об их противопоставлении советским организациям и о готовности членов братств совершать преступления.

«В условиях Советского Союза организация «Кату» существует на нелегальном положении и направлена к обособлению китайских трудящихся от участия в общественно-политической жизни Советского Союза и является антиобщественной организацией», — «признавался» Тан-Чжен-Шан⁴. Такое же утверждение можно обнаружить в показаниях артиста китайского театра Лю-Дин-Тана. В них говорилось, что в СССР «организации братства чаще строятся с определенными задачами, направленными к противодействию законам, отводу членов «братства» от участия в работе общественных организаций»⁵. То, что «участники нередко противопоставляют себя решениям представителей власти»⁶, было отмечено в показаниях четвертого из проходивших по этому делу офицантов, Мао-Ю, других лиц.

При этом некоторые из обвиняемых говорили, что слышали, «что договора «Кату» заключают также и контрабандисты, связанные с закордоном, с целью предохранения себя от провала и невыдачи участников в случае задержания кого-либо властями»⁷.

С точки зрения чекистов, от взаимной поддержки до совершения преступления был один шаг, а там уже можно было разворачивать и обвинения в терроре. Довольно шаблонным образом это отразилось в показаниях кустаря-слесаря Суй-Фун-Лана: «Лозунг организации «все за одного один за всех», т.е. члены братства Кату защищают и выручают друг друга во всех случаях. Если с кем-нибудь из братьев случится несчастье, то остальные спешат ему на помощь, а обидевшему брата мстят, включая убийства и другие террористические акты»⁸.

Согласно формируемому следователями НКВД образу братств, члены этих объединений могли пойти на преступления для оказания помощи своим названным братьям,

1. Там же. Л. 14–15.

2. ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33680. Л. 50.

3. Там же. Д. П-33836. Л. 20–25.

4. Там же. Д. П-33678. Л. 30.

5. Там же. Д. П-33680. Л. 39.

6. Там же. Д. П-33684. Л. 19.

7. Там же. Д. П-33680. Л. 39–40.

8. Там же. Д. П-33683. Л. 16.

«даже если эти люди придут на советскую территорию с контрреволюционными целями»¹. Они были обязаны «мстить и даже совершать террористические акты, если это вызывается интересами организации»², или же по распоряжению руководителей, использовавших «участников организации для достижения личных целей, оппозиционных действий по отношению к представителям власти и даже террора»³.

Показательны изменения, сделанные в одном из протоколов допросов после его подписания. В тексте, с которым очевидно уже поработали сотрудники Приморского областного управления НКВД, говорилось, что «организация «Кахту» объединяет в себе наиболее сильных и смелых людей, способных, если потребуется, совершить любое преступление, вплоть до террора». Но этого оказалось недостаточно, и в копиях протокола последняя часть была изменена на «способных, если потребуется, выполнить любое *задание* (выделено мной. — Е.К.), вплоть до террора»⁴. Схожему изменению была подвергнута и фраза о подчинении руководителю организации и «выполнении всех его указаний», «указания» в ней так же изменены на «задания»⁵. Таким образом, акцент дополнительно смещался на то, что члены братств могли получать задания совершать террористические акты.

В контексте дела о провокации под террористическими актами, прежде всего, подразумевались убийства японцев. Поскольку именно антияпонские выступления стали поводом для разворачивания «китайской» линии, следствие прилагало все усилия, чтобы уличить братства в террористических намерениях.

Трудно усомниться в том, что многие представители китайской диаспоры, зная о преступлениях японской армии в их стране, были преисполнены ненависти к врагам. Вряд ли разговоры о борьбе, избии японцев и даже готовности пойти на убийство были чем-то исключительным. Но стремясь найти подтверждения версии о провокации, чекисты любые высказанные сторяча угрозы вырывали из контекста и приравнивали к реальным планам. Вероятно, чтобы как-то обосновать такой подход, в показаниях арестованных появлялись не только «признания» в желании нападать на японцев⁶ или в распространении призывов их убивать и травить⁷, но и общие рассуждения о том, что «члены «Кахту» как организованные люди, состоящие в одной организации, тем более могли бы совершить убийство того или иного японца из консульства, так как они отличаются наибольшей смелостью и решительностью»⁸.

Тем не менее, единственными реально зафиксированными антияпонскими действиями китайцев оставался бойкот и, возможно, нападение на русского водителя японского консула⁹. Это было то небольшое, на что чекисты могли реально сослаться. За неимением других серьезных доказательств эти факты регулярно воспроизводились в материалах следствий, иногда причудливым образом объединяясь с темой терактов, как, например, в приведенном выше вопросе следователя Лю-Ши-Цаю. Отсутствие у следствия каких-либо других оперативных материалов по этому делу показала и дополнительная проверка¹⁰.

1. Там же. Д. П-33678. Л. 30.

2. Там же. Д. П-33683. Л. 16.

3. Там же. Д. П-33680. Л. 39.

4. ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33686. Л. 38–38об. и Д. П-33680. Л. 14.

5. Там же.

6. ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33684. Л. 25.

7. Там же. Д. П-33678. Л. 27–28.

8. Там же. Д. П-33686. Л. 39.

9. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 861. Л. 199–202.

10. «Установлено, что до ареста Люй-Ши-Цай, Чжан-Фу и др. в распоряжении органов НКВД никаких материалов, свидетельствующих об их антисоветской деятельности, не имелось. Не по-

Важной составляющей дела о провокации стала связь, якобы существовавшая между братствами и китайским консульством во Владивостоке. С той же легкостью, с которой сотрудники советского карательного органа интерпретировали возмущение китайских мигрантов как проявление провокации, они идентифицировали основной, по их утверждению, источник разжигания этих чувств, а именно китайские консульства как центр пропаганды террора.

С упоминания активной антияпонской работы китайского консульства во Владивостоке начиналась первая, сообщающая о «провокации», шифротелеграмма из края в Москву¹. В таком же направлении действовало и следствие: версия НКВД, согласно которой проходившие в консульском особняке лекции о событиях в Китае «ведут к возникновению антияпонских и террористических настроений и организации бойкота»², закреплена во многих протоколах допросов арестованных.

Позже, на пике развития «китайской операции», в прямой работе на японцев был обвинен дипломатический состав консульства, включая временно исполняющего обязанности генконсула У Айчэня. В конце же 1937 – начале 1938 г. основные обвинения падали на неких Туань-Цюань-Цзяна и Цзюй-Цзя-Тина — сотрудников, как телеграфировал в центр Люшков, «из числа обслуживающего персонала»³. Но даже эта информация не была точна. Если *Цзюй-Цзя-Тин* действительно фигурировал в списках, предоставляемых в Наркомат иностранных дел как служащий, то Туань-Цюань-Цзян был лишь пятнадцатилетним сыном завхоза консульства⁴.

В материалах следственных дел они оба назывались активными членами братств, а иногда и их руководителями. При этом подчеркивалась их роль в организации «работы против японцев». «Туан-Цюан-Цзян в беседе со мной всячески обзывал японцев нецензурными словами, говоря о том, что их нужно всех отравить или перед�шить», — якобы свидетельствовал Кун-Пын-Хуан⁵. Мао-Ю «признавал», что Туан-Цюан-Цзян и Цзюй-Цзя-Тин заводили с ним «разговоры политического характера и разжигали... ненависть к японцам»⁶. А в протоколе допроса еще одного обвиняемого говорилось: «Со слов Лан-Си-Кена и из следующих разговоров на групповых собраниях в квартире Цзюй-Цзя-Тина мне стало известно, что организация, в которую я вошёл, ставила перед собой задачу антияпонской борьбы и вела в этом отношении обработку местного китайского населения»⁷.

Кроме обвинений в часто недифференцированных между собой антияпонской пропаганде, выражении антияпонских настроений (абстрактных угроз и брани) и призывах к совершению убийств японцев в некоторых делах также можно встретить указания на то, что Туань-Цюань-Цзян и Цзюй-Цзя-Тин агитировали членов диаспоры вступать в китайскую армию и были организаторами группы, планирующей вернуться в Китай⁸.

Сделав работников китайского консульства связующим звеном между братствами и дипломатическими учреждениями, сотрудники НКВД, таким образом, соединили в своих построениях основной источник антияпонской «террористической» пропаганды (т.е. консульство) и главный инструмент реализации провокации (т.е. братства). Приняв

лучено на них таких данных и в процессе произведенной в настоящее время проверки», — говорилось в Заключении по этому делу в 1960 г. (ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33680. Л. 53)

1. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 861. Л. 199–202.

2. ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33836. Л. 38.

3. ЦА Ф ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 861. Л. 261.

4. См.: АВП РФ. Ф. 100. Оп. 22. П. 63. Д. 13. Л. 4–5; АВП РФ. Ф. 100. Оп. 24. П. 86. Д. 12. Л. 51.

5. ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33686. Л. 39.

6. Там же. Д. П-33684. Л. 21–22.

7. Там же. Д. П-33836. Л. 7.

8. Там же.

этот вид, фальсификация хорошо укладывалась в используемые НКВД лекала, так как большинство иностранных консульств в этот период рассматривались как рассадники шпионской и антисоветской деятельности, а любые контакты с ними («консульские связи») превращались в свидетельство работы на другие государства.

Отношения взаимной поддержки между Китайской Республикой и СССР в борьбе с японской агрессией не освободили сотрудников дипломатических учреждений Китая от необоснованных обвинений со стороны НКВД, что в еще большей степени проявилось после развертывания китайской национальной операции в феврале 1938 г.¹. Сложно усомниться в том, что если Туань-Цюань-Цзя и Цзюй-Цзя-Тин были бы арестованы, сотрудники УНКВД по Дальневосточному краю непременно добились бы «признания» об их связях с японцами. Однако, несмотря на то, что Люшков запрашивал разрешение на этот арест, подтверждения того, что он был санкционирован Москвой, нами не обнаружено.

Результатом фальсификации дела о провокации стало не просто «раскрытие» очередного придуманного НКВД «японского плана». Эти обвинения послужили поводом для проведения массовых репрессий против китайской диаспоры, начавшихся в крае под видом операции против притонов, а с февраля 1938 г. по распоряжению ЦК ВКП(б) формально включенных в набирающие обороты «национальные операции». Китайские братства стали важной частью этого построения, «организационным» началом «заговора», «инструментом» провокации, якобы связанным с прояпонскими силами в консульстве Китайской Республики.

Начало «китайской» операции в Дальневосточном крае и тайные общества

В ночь с 29 на 30 декабря по Дальневосточному краю прокатилась первая большая волна арестов китайцев. Были задержаны более двух с половиной тысяч человек, из них почти полторы тысячи подданных Китайской Республики². Одновременная операция таких масштабов, сопровождавшаяся блокированием и прочесыванием целых зданий, арестом в разных городах сотен людей, даже если и была формально нацелена на «преступный элемент», не могла не затронуть законопослушных мигрантов.

В поданном по этому поводу протесте китайский консул во Владивостоке подчеркивал, что были арестованы лица, имевшие все необходимые для проживания документы и постоянную работу, «причем аресты были произведены и на улицах, и в квартирах с обысками, во время которых обычно ничего противозаконного не находилось»³. Однако руководство НКВД делало вид, что аресты «производились не вообще, а в каждом отдельном случае по конкретным материалам». «В числе арестованных, — утверждал заместитель наркома внутренних дел М.П. Фриновский, — в основном преобладает агентура японских разведывательных органов, а также притоносодержатели, контрабандисты и прочих социально-опасный сброд»⁴.

В уходящих из Хабаровска в Москву материалах об этой операции тема провокации продолжала присутствовать, но на фоне массовых арестов китайцев перестала быть основной. Большая часть арестованных становились фигурантами дел о шпионаже и ди-

1. Калкаев Е.Г. Консульства Китайской Республики на Дальнем Востоке СССР и в Сибири в период «большого террора» // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5–2. С. 107–121.
2. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 31. Л. 325–326. Следующая волна массовых арестов китайцев в крае прошла уже в феврале, что, конечно, не мешало проводить в январе отдельные индивидуальные и групповые аресты.
3. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 22. П. 191. Д. 30. Л. 92.
4. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 22. П. 190. Д. 16. Л. 76.

версиях. В русле приказа Дальневосточное управление НКВД в первой половине января 1938 г. рапортовало о многочисленных показаниях притоносодержателей, «признававшихся» в том, что они завербованы японской разведкой, притоны являлись конспиративными квартирами, вокруг них организовывались шпионско-диверсионные резидентуры, а для выполнения заданий помимо соотечественников-китайцев привлекался и местный «уголовный элемент» — преступники-рецидивисты и проститутки¹.

Заметное место в пересылаемых в центр сообщениях стали занимать китайские тайные общества. В начале января 1938 г. Каган доложил, что «среди притоносодержателей и посетителей выявлены члены тайной китайской организации «Цзай-бан» (филиал «Цзай-цзали»), используемые японской разведкой для шпионажа, диверсии, террора»². Сообщалось, что некоторые из членов «Цзайбан» были связаны с провокацией (по крайней мере, один из арестованных якобы «показал, что в течение последнего месяца изыскивал возможность совершить убийство какого-либо японца на улице»³), а другие принимали участие в организации антияпонского бойкота.

В то же время дальневосточные чекисты докладывали в центр, что связанные с контрабандистами члены «Цзайбан» принимали активное участие в обеспечении инфраструктуры шпионажа, в том числе содержали явочные квартиры, которыми пользовались и контрабандисты, и японские агенты, и создавали разведывательно-террористические ячейки⁴.

В сообщениях из Хабаровска утверждалось, что некоторые отделения тайных обществ были специально организованы на территории СССР для террористической деятельности во время возможной войны. Одна из таких «спящих» ячеек «Цзайбан», состоящая из 9 человек, якобы была создана на станции Бикин Транссибирской магистрали «для подготовки во время войны диверсионного акта на транспорте и военных складах»⁵. Скорее всего, ее членами просто «назначили» живших в поселке или работавших на станции китайцев: в глазах следователей любые группы, связанные знакомством или соседством, могли быть потенциальными вражескими ячейками. При этом фактор риска для подозреваемых значительно усугублялся, когда принадлежность к контингенту, против которого была направлена операция (в данном случае он определялся китайской национальностью), сочеталась с работой на стратегических объектах (например, железнодорожных, в подсобных хозяйствах при военных частях, заводах и т.п.) или же просто с проживанием или нахождением вблизи них⁶.

В условиях массовых операций тайные общества, которые в некоторых случаях действительно были связаны с контрабандой, наркоторговлей, содержанием притонов и другой уголовной деятельностью, могли быть обвинены практически в любом преступлении — никаких доказательств сотрудничества с японцами не требовалось, их заменяли полученные с помощью давления или обмана самооговоры, на основании которых выстраивались самые гротескные обвинения. При этом серьезных доказательств не требовалось и чтобы обвинить кого-то в членстве в тайных обществах.

Как и в случае с братствами, акцент делался на антисоветской направленности тайных обществ, а в описании превалировали указания на их нелегальность/законспири-

1. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1675. Л. 553–557.

2. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32. Л. 222.

3. Там же. В тексте слово «изыскивал» стоит во множественном числе, что, судя по всему, является опечаткой.

4. Там же. Л. 223.

5. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 33. Л. 270.

6. Установка на первоочередность «очистки» оборонных предприятий, транспорта, военной инфраструктуры и т.п. присутствует во всех основных распоряжениях о проведении «национальных» операций.

рованность, разветвленную систему, состоящую из отдельных групп, жесткую иерархию, подчиненность лидерам и готовность членов обществ к совершению преступлений и террористических актов.

Соответствующей корректировке подвергались протоколы допросов. Если в них и упоминались такие мотивы присоединения трудовых мигрантов к тайным обществам, как поиск поддержки, они тут же дополнялись казенными фразами о готовности членов организаций к антисоветской деятельности, вплоть до террора. «...В частности наша группа, — говорилось в одном из протоколов допросов, — объединилась на почве того, чтобы не дать себя в целом как организацию и ни одного ее члена (брата) никому в обиду и не при каких обстоятельствах, если бы даже это потребовало жизни членов организации...». После чего следовала, очевидно, вставленная чекистами фраза: «...или выступления против существующего строя»¹. В последующих ответах арестованный «подтверждал», что в случае вмешательства органов Советской власти в дела общества, оно должно «применить террор по отношению представителей» этих органов².

В отличие от братств, которые в рассмотренных нами следственных делах, как правило, характеризовались как «террористические» или «контрреволюционные» объединения, распространенными характеристиками «Цзайцзяли» / «Цзайбан» были «полурелигиозная», а также «контрреволюционная фашистская» или «фашистско-террористическая» организация.

Первая из этих характеристик отражала «мистически религиозный уклон» тайных обществ³, т.е. черты китайских религиозных сект, присущие «Цинбану»⁴. Обвинения же в фашизме были отголоском реакции на участие «Цинбана» в шанхайских событиях в апреле 1927 г., выразившемся в активной поддержке антикоммунистического (по распространенной в то время терминологии — «фашистского») переворота Чан Кайши.

В этом контексте следователи фактурно обозначали и масштабные политические задачи тайных обществ. В протоколах допросов не только говорилось, что деятельность «Цзайбан» в Китае была направлена на «объединение китайцев в мощную организацию для борьбы с другими существующими партиями в Китае и захвате власти в свои руки», но и указывалось, что «на Советской территории, в частности в Приморье, контрреволюционная организация «Цзай-Бан» поставила задачей борьбу с Советской властью путем контрреволюционной агитации среди китайского населения за срыв социалистического строительства и шпионажа в пользу Японии»⁵.

Как видно, подобные характеристики частично повторяли обвинения, распространенные в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Однако в период «большого террора» в соответствии с новыми установками к ним добавились обвинения в активном шпионаже в пользу Японии и подготовке диверсий.

Связанные с криминалом тайные общества были удобной целью для НКВД, особенно на первом этапе «китайской операции», формально объявленной как мера по ликвидации притоков. А на фоне того, как легко во время «большого террора» национальные объединения «уличались» в работе на враждебные государства, для чекистов на Дальнем Востоке не стоило особого труда обвинить тайные общества в работе на Японию, подкрепляя обвинения фальсифицированными делами и самооговорами.

1. ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 4. Д. ПУ-12580. Л. 10.

2. Там же.

3. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 146. Л. 107.

4. Новиков Б.М. Указ. соч. С. 159.

5. ГА ПК. Ф. Р-1588. Оп. 4. Д. ПУ-9430. Л. 15–16.

«Наряду с использованием контрабандистов, наркоманов, уголовников, японцы прибрали к рукам китайские тайные братства «Кату» (Кэ-тоу), организации «Цзай бан», «Цзай-цзя-ли» и направили деятельность этих конспиративных организаций на шпионаж и диверсии», — писал Каган во второй половине января 1938 г. в Москву¹. Подобные обобщения создавали видимость глубокого проникновения японских сил в китайскую общину на Дальнем Востоке и должны были служить оправданием масштабных репрессий.

Развитие же операции в феврале 1938 г. и новые аресты тысяч китайцев в крае привели и к снижению внимания к тайным обществам. Во всяком случае, в выявленных нами сообщениях от руководства Управления НКВД в Хабаровске в центр упоминаний о тайных обществах, как и китайских братствах, уже не встречались. Маховик операции был раскручен, в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января китайцы оказались в списке контингентов «национальных» операций, чьи дела рассматривались во внесудебном порядке, и условное следствие все больше сосредотачивалось на относительно шаблонной имитации «вскрытия» новых шпионских и диверсионных ячеек.

* * *

В ожидании мировой войны «большой террор» во многом был попыткой уничтожить в СССР любое подобие «пятой колонны». Сталин и подконтрольная ему партийная верхушка, не считаясь ни с какими человеческими жертвами, были готовы очистить страну от любых потенциальных противников режима: политических оппонентов и недовольных властью, от остатков классов, заклеянных как враждебные, от уголовных преступников, от подозреваемых в связях с иностранными государствами, включая представителей других национальностей.

Начало операции против слабо интегрированных в советское общество китайцев, особенно в таком стратегически важном регионе, как Дальневосточный край, полностью вписывалось в эту логику. При этом поддержка Советским Союзом правительства Китайской Республики в борьбе с Японией никак не повлияла на это решение, а руководство НКВД делало вид, что развязав массовые репрессии против китайского населения, оно оказывает услугу Китаю.

В то же время отношения властей на Дальнем Востоке страны и китайских мигрантов имели долгую и непростую историю. И дореволюционные, и советские власти сталкивались со схожей проблемой — неэффективностью попыток контроля внутренней жизни китайской общины. Значительная масса китайцев для решения возникающих проблем предпочитала обращаться к традиционным формам организации, в том числе к системам братств и различных нелегальных и полуполигальных обществ.

В условиях развязывания массовых операций «большого террора» эти традиционные институты оказались слишком удобным инструментом, чтобы чекисты не воспользовались им. Их сложившийся образ как антисоветских сил мог значительно расходиться с реальностью, но хорошо подходил для фальсификаций. В результате обвинения в адрес братств, якобы вовлеченных в японскую провокацию, стали предлогом для получения указаний центра на проведение операции против китайцев. При этом, помимо антисоветской направленности, подчеркивался организованный характер братств, готовность к террору и якобы существующая связь между ними и прояпонскими силами в консульстве Китайской Республики во Владивостоке, что отражало представление руководства страны об основных целях репрессий.

Что касается «полурелигиозных», «фашистских» тайных обществ, то поскольку эти организации могли иметь связи с криминалом, они оказались в центре операции про-

1. ЦА ФСБ Ф. 3. Оп. 5. Д. 33. Л. 269–270.

тив притонов. В этом качестве они послужили своеобразным прикрытием для развертывания широких репрессий против дальневосточных китайцев, в свою очередь позже переросших в китайскую «национальную» операцию по всему Советскому Союзу.

Список литературы

1. Архив внешней политики РФ. Ф. 0100. Оп. 22. П. 190. Д. 16.
2. Архив внешней политики РФ. Ф. 0100. Оп. 22. П. 191. Д. 30.
3. Архив внешней политики РФ. Ф. 9. Оп. 29. П. 121. Д. 24.
4. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33680.
5. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33678.
6. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33683.
7. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33684.
8. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1588. Оп. 1. Д. П-33686.
9. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1588. Оп. 4. Д. ПУ-12580.
10. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-1588. Оп. 4. Д. ПУ-9430.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 514. Оп. 1. Д. 593.
12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 146.
13. Центральный архив ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 152.
14. Центральный архив ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 861.
15. Центральный архив ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1675.
16. Центральный архив ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 31.
17. Центральный архив ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32.
18. Центральный архив ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 33.
19. Jordan D.K. Sworn Brothers: A Study in Chinese Ritual Kinship // The Chinese family and its ritual behavior. Taipei: Institute of Ethnology, Academia Sinica, 1985. Исправленная интернет публикация 2003 г. URL: <http://pages.ucsd.edu/~dkjordan/scriptorium/jyebay.html> (дата обращения: 13.01.2020).
20. Khlevniuk O. V. Master of the house: Stalin and his inner circle. New Haven; London: Yale University Press, 2009. P. 182, 294.
21. Martin B. The Shanghai Green Gang: Politics and Organized Crime, 1919–1937. Berkeley: University of California Press, 1996.
22. McIsaac L. "Righteous Fraternities" and Honorable Men: Sworn Brotherhoods in Wartime Chongqing // The American Historical Review, Vol. 105. Issue 5. December 2000.
23. Shearer D. Policing Stalin's socialism: repression and social order in the Soviet Union, 1924–1953. New Haven, 2009.
24. Wakeman F. The Shanghai Badlands. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
25. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический. Хабаровск, 1914.
26. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912.
27. Деревянко А.П. Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30 е годы // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 е –1950 е годы: Материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997.
28. Дюллен С. Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920 е–1940 е. М., 2019.
29. Калкаев Е.Г. К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937–1938) // Вопросы истории. 2018. № 12.
30. Калкаев Е.Г. Консульства Китайской Республики на Дальнем Востоке СССР и в Сибири в период «большого террора» // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5–2.
31. Костяева А.С. Побратимские организации республиканского Китая // Общество и государство в Китае. Т. XXIX. М., 1999.
32. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: история и современность. М.: Восточная книга, 2003.
33. Надаров И.П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884.
34. Новиков Б.М. Вопросы типологии тайных обществ в Китае периода Цин // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVI. СПб., 1992.
35. Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае. Владивосток, 1909.

36. Петров. А.И. История китайцев в России (1856–1917). СПб.: Береста, 2003.
37. Сунь Цзян. Цзэншансыдэ сянтан — 1933 нянь дунбэй Цинбан дайбяотуаньдэ фанжичжисин: (Моление в дзодзё-дзи — посещение делегацией дунбэйского Цинбана Японии в 1933 г.) // Наньцзин дасюэ сюэбао. 2007. № 3.
38. Тертицкий К.М. Китайские синкретические религии в XX в. М.: Восточная литература, 2000.
39. Тумиис М.А., Папчинский А.А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009.
40. Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: Росспэн, 2010.
41. Черушев Н.С. Удар по своим. Красная Армия. 1938–1941 гг. М.: Вече, 2003.
42. Шао Юн. Жибэнь циньлюэчжэ лиюн чжунго банхуй похуай канчжань шулюэ: (Очерк использования японцами китайских тайных обществ для подрыва Войны сопротивления.) // Шанхай шиафан дасюэ сюэбао. 1997. № 4.
43. Шао Юн. Чжунго банхуй ши. Сяцэ: (История тайных обществ Китая. Т. 2.) Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ. 2012.
44. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897.

E. Kalkaev. Chinese Sworn Brotherhoods and Secret Societies During the Period of the Great Terror

In the second half of the XIX century, by the terms of the Aigun and Peking Treaties the Russian Empire acquired new territories of Amur and Ussuri regions. Soon after the Russian administration faced the fact that the Chinese living in this region and migrant workers did not consider themselves to be dependent on the Russian government and were administered by their own organizations. The shadowy activities of Chinese societies and organizations, as well as sworn brotherhoods were a cause of concern for Russian administrators and explorers. After the October revolution the situation did not change. The Soviet administration regarded Chinese secret societies and brotherhoods as obstacles to the integration of the Chinese workers into Soviet society. By the time of the "Great Purge" these institutions had been considered as "reactionary". The NKVD used this image of Chinese societies and brotherhoods to justify the need for an operation against the Chinese diaspora.

Keywords: Great Terror, NKVD, Chinese operation, Chinese diaspora, sworn brotherhoods, Chinese secret societies.